

СИМОН ЖУКОВСКИЙ — ВИЛЬНЮССКИЙ ЭЛЛИНИСТ НАЧАЛА XIX в.

(К истории Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса)

Е. ФРОЛОВ

С периодом расцвета классической филологии в Вильнюсском университете в первой четверти XIX в. тесно связано имя Симона Жуковского, бессменного в течение 25 лет, начиная с 1805 г., лектора греческого языка при кафедре греческой литературы и многолетнего помощника директора университетской библиотеки.

Хотя формально Жуковский мог быть учеником профессора классической филологии Готфрида Эрнеста Гроддека лишь последнее полугодие своего пребывания в университете в качестве студента, он по праву принадлежит к т. н. школе Гроддека, так как в течение 20 лет, вплоть до самой смерти Гроддека в 1825 г., он был его ближайшим помощником и сотрудником на кафедре и в библиотеке.

Таким образом, исследование научной деятельности Жуковского весьма важно для выявления некоторых общих тенденций, присущих Гроддеку и его ученикам, а также для характеристики внутренних связей между ними.

В этом плане особого внимания заслуживают библиографические изыскания Жуковского в области польской филологии, свидетельствующие о прогрессивности, патриотизме Жуковского и дающие представление об общей направленности работ вильнюсских филологов старшего поколения, отвечающей в какой-то степени установкам, принятым в прогрессивных кругах студенческой молодежи.

Движение в области классической филологии, польской филологии и библиографии и других гуманитарных дисциплин в университете, носившее прогрессивный, патриотический, а в отдельных случаях антикрепостнический и антицерковный характер, пробудило повышенный интерес и к литовскому языку и литературе, к истории и этнографии Литвы и в лице С. Даукантаса, К. Незабитаускаса, С. Станявичюса и др. нашло достойных продолжателей на ниве литовской науки и культуры.

Деятельность Жуковского, занимавшегося, наряду с античностью, польским языком и литературой, несомненно должна была оказать сти-

мулирующее влияние на разработку вышеназванными представителями передовой литовской интеллигенции вопросов литовского языка и литературы, а поэтому представляет определенный интерес и для исследователей истории литовской филологии.

Симон Феликс Жуковский родился 25 мая 1782 г. в деревне Горн Борисовского уезда Минской губернии. Отец, бедный дворянин, рано умер, оставив сына на попечение своего брата Антония. Последний, обучив племянника грамоте, определил его в Березвецкую¹ четырехклассную школу, находившуюся в ведении ордена василиан. Еще до окончания школы юноша принимается в этот орден послушником и, закончив курс реторики и философии в василианских коллегиях в Тороканах и Жировицах², некоторое время работает учителем в Падубиской³ школе тех же василиан. Вскоре он для получения университетского образования переводится в Вильнюсский василианский монастырь.

В то время Жуковский был уже пострижен в монахи под именем Севастьяна. В дальнейшем его ожидала обыкновенная участь провинциального священника-учителя⁴. Однако жизнь Жуковского сложилась иначе. У него обнаружили незаурядные способности к классическим языкам, и, ввиду открывшейся перед ним перспективы научной деятельности, он остается в Вильнюсе и не только не получает священнического сана⁵, но, спустя несколько лет, на основании официального консисторского указа, вовсе освобождается от монашеского обета и возвращается в светское состояние⁶.

До прибытия в Вильнюс в конце 1804 г. профессора Гроддека положение с преподаванием в университете обоих классических языков — греческого и латинского — было неудовлетворительное. Особенно плохо обстояло дело с греческим языком, который не изучался в школах. Предшественник Гроддека К. Роговский, человек мало энергичный, плохо справлялся со своими обязанностями и не добивался введения греческого языка в школах. В книжных магазинах нельзя было найти ни изданий греческих классиков, ни учебных пособий. В таких условиях знание греческого языка было редкостью. Лишь среди монахов василианского ордена можно было встретить людей, сведущих в греческом языке. Последние должны были знать греческий язык для чтения в подлиннике так называемых номоканонов — сборников церковного права,

¹ Гор. Березвеч ныне находится в Белорусской ССР (вблизи гор. Глубокое).

² Тороканы расположены неподалеку от гор. Кобрыня, Жировицы — от гор. Слонима (Белорусская ССР).

³ Падубисис находится неподалеку от гор. Шяуляй (Литовская ССР).

⁴ Орден василиан был организован по образцу ордена иезуитов. Каждый член ордена некоторое время должен был учительствовать. Послушники обязаны были прослушать минимум 2-летний риторический и 3-летний философский курс, после чего назначались в коллегии учителями младших классов. После окончания университетского богословского курса они возвращались снова на преподавательскую работу, однако преподавали уже в старших классах.

⁵ J. Bieliński. Uniwersytet Wileński, Kraków, 1899—1900, t. III, s. 363.

⁶ „Znicz“, 1835, s. 169—170. Так как текст указа до сих пор в архивах не найден, мотивы его издания нам неизвестны.

содержащих правила внутреннего распорядка православной, а тем самым униатской церкви, к которой принадлежали василиане.

Такие просвещенные монахи находились и среди вильнюсских василиан. Так, Жуковский, поступив на богословский факультет (т. н. первый факультет или, иначе, факультет моральных (юридических) наук, в 1803 г. преобразованный в факультет моральных и политических наук), одновременно изучает под руководством собрата по ордену священника Фабрицкого греческий и древнееврейский языки⁷.

К моменту прибытия Гроддека в Вильнюс Жуковский уже заканчивал высшее образование. Гроддек обратил внимание на способного и эрудированного студента и после окончания им курса наук и получения 28 июня 1805 г. ученой степени магистра богословия⁸ привлек его к преподаванию греческого языка в университете⁹. В течение долгих лет С. Жуковский, сбросивший, как мы уже говорили, после своего назначения в университет монашескую рясу, был одним из наиболее усердных помощников Гроддека и исполнителей его обширной программы распространения в Литве знаний о классической древности.

Как известно, программным лозунгом неогуманистов в области преподавания древних языков было утверждение, что язык не является целью обучения, но средством познания мыслей и духа писателя. Гроддек был последовательным сторонником этого взгляда и выступал не раз в печати по этому поводу. В первый же год своего пребывания в Вильнюсе он опубликовал статью о цели и методе обучения древней классической литературе в школах и гимназиях, где выступал против бессмысленного запоминания сухих грамматических правил, требуя введения новых, полезных методов изучения древности¹⁰. Этот взгляд Гроддек привил своим ученикам.

Жуковский с самого начала расположил к себе Гроддека именно тем, что никогда не довольствовался простым изучением древних языков, но постоянно стремился к расширению сферы как приобретения, так и использования своих знаний о древнем мире. Его, как и Гроддека, интересовал весь круг древних наук.

По существующему мнению, Гроддек большое внимание уделял эстетическому разбору произведений древних писателей, напр., Пиндара¹¹. Впрочем, иначе и не могло быть, так как он был продолжателем в области литературы традиций немецкого неогуманизма. Жуковский и в этом шел за своим наставником и руководителем¹². Обладая художественным вкусом, он глубоко чувствовал несравненные красоты языка и стиля лучших образцов древней литературы и им посвящал большую

⁷ „Znicz“, 1835, s. 168—169.

⁸ Рукописный отдел Научной библиотеки Вильнюсского университета им. В. Капсука (в дальнейшем — ВГУ), КС, 135, стр. 557—559.

⁹ С 1 сентября 1805 г. (ВГУ, КС, 135, стр. 557—559).

¹⁰ „Dziennik Wileński“ (в дальнейшем — DW), 1805, t. V, s. 52—68.

¹¹ Z dziejów filologii klasycznej w Wilnie, Wilno, 1937 (в дальнейшем — FKW), s. 113—116.

¹² „Znicz“, 1835, s. 176.

часть своего внимания во время разбора произведений классических писателей со своими слушателями¹³.

Среди греческих писателей его привлекали, главным образом, Гомер, Гесиод и Лукиан, произведения которых он преимущественно и разбирал на своих лекциях. Делал он это очень солидно, используя новейшие труды крупнейших филологов того времени, таких как Дюканж, Морери, Монфокон, Гроновий, Байль, Винкельман, Висконти и др.¹⁴

Особо следует подчеркнуть тот факт, что Жуковский, как и некоторые другие ученики Гроддека, напр., Людвик Соболевский, занимался славянской литературой, главным образом, польской, вопросами, относящимися к ее истории и библиографии. Он великолепно знал польских писателей эпохи Сигизмундов¹⁵ и был тонким ценителем стиля и красот старопольского языка¹⁶.

С целью собирания материалов по древней польской литературе Жуковский исследовал не только местные библиотеки — университетскую и щорскую, принадлежавшую графу А. Хрептовичу, но и выезжал в Петербург и Москву, а также в Варшаву, Кременец и Порицк. В результате всего этого он стал крупным специалистом по польской литературе, а также по истории Литвы. По этим вопросам к нему обращались за советом не только местные, но и зарубежные ученые. В 1818 г. в связи с просьбой графа Н. Румянцева Жуковский по указанию ректора Вильнюсского университета С. Малевского усиленно разыскивал в монастырских библиотеках литовские летописи, относящиеся к временам княжения Альгирдаса, Кестутиса и Швитригайлы¹⁷.

Первая работа молодого ученого — «Начала греческого языка»¹⁸ — вышла в свет в 1806 г. Книге этой суждено было сыграть большую роль в развитии классического образования в Литве. В течение последующих 10 лет она была единственным учебником, по которому постигали греческую грамматику не только студенты университета, но и ученики средних школ после того, как в 1811 г. греческий язык, по настоянию Гроддека, был введен в программу среднего образования¹⁹.

¹³ „Kłosy“, 1884, XXXVIII, s. 316.

¹⁴ „Znicz“, 1835, s. 178.

¹⁵ Там же, стр. 179.

¹⁶ См. Andrzeja Maczuszkiego o przyjaźniach i przyjacielach, Wilno, 1817, s. XX.

¹⁷ Жуковский успешно выполнил возложенное на него поручение, как это следует из письма Н. Румянцева С. Малевскому от 24.VI.1818 г. („Znicz“, 1835, s. 181).

¹⁸ Początki języka greckiego przez Sebastyana Żukowskiego... ułożone w Wilnie, 1806.

¹⁹ Впрочем, еще до того, во всяком случае уже в 1809 г., как это явствует из письма Юзефа Завадского князю Адаму Чарторийскому от 12.X.1809 г. (Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi z archiwum drukarni i księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805—1865 zebrał Tadeusz Turkowski, Wilno, 1935 — в дальнейшем — MLO, t. I, s. 27), преподавание греческого языка в университете было организовано таким образом, чтобы лекции греческого языка могли посещать гимназисты. Из письма А. Чарторийского от 19.VIII.1805 г. можно было бы заключить, что Жуковский преподавал греческий язык в Вильнюсской гимназии в 1805—1806 уч. г. (Z. Węclewski. Wiadomość o życiu i pismach Gotfryda Grodka, Kraków, 1876, s. 64), однако в документах вышеназванной гимназии этот факт не отражен.

Приветствуя появление этой книги, профессор Гроддек определяет ее как «первый плод солидных знаний и неустанного труда молодого автора»²⁰.

Действительно, некоторые разделы книги являются, по сути дела, небольшими диссертациями, напр., о знаках придыхания и ударения (стр. 38—44), о дигамме (стр. 45—49), о греческих диалектах (стр. 88—101) и др., в которых Жуковский знакомит читателя с последними достижениями науки в данных вопросах, опираясь на известные труды Ф. Рейца, И. Германна, И. Фишера и др.²¹ Изложение является критическим, во многих случаях дополняется замечаниями составителя пособия, сопровождается обильными ссылками на источники и сопоставлениями с фактами родного языка (стр. 26, 28). Попутно Жуковский делает критические замечания о «национальной» грамматике О. Копчинского (стр. 49—50) и старых изданиях словарей С. Рысинского — Г. Кнапского (стр. 4—7). Последнее обстоятельство является свидетельством того, что уже в «Началах греческого языка» наметились два направления, по которым в дальнейшем пойдут исследования Жуковского: польская филология и библиография²².

Признавая неоспоримые научные достоинства за книгой Жуковского, одновременно надо сказать, что с методической точки зрения она не является совершенством. Первая ее часть перегружена материалом и представляет собой пособие скорее для учителя, чем для ученика. Лишь вторая ее часть, где излагаются склонения и спряжения, носят характер обыкновенной школьной грамматики. Поэтому в оценке методики учебника Жуковского трудно согласиться с Гроддеком, который пишет в известной нам рецензии: «Все изложено тщательно и обстоятельно, и автор сумел найти справедливую середину между объяснением, чрезмерно растянутым, и краткостью, оставляющей место для домысла желающему искать в грамматике совета»²³. Недостатком книги является и отсутствие систематического изложения синтаксиса.

Несмотря на то, что Гроддек в рецензии предсказывал дальнейшие издания «Начал греческого языка», они никогда не были изданы повторно. Методические недостатки книги были слишком очевидны. Она никоим образом не могла идти ни в какое сравнение с четким и экономным изложением материала в описательных грамматиках греческого языка немецких ученых, как, напр., Филипп Бутманн. Труд обеспечения своих слушателей грамматикой такого типа взял на себя сам Гроддек. В 1816 г. выходит на латинском языке сокращенная Гроддеком греческая грамматика Ф. Бутманна, которая затем переиздается в 1817 г.,

²⁰ „Gazeta Literacka Wileńska“ (в дальнейшем — GLW), 1806, II, s. 364—368.

²¹ F. V. Reiz. De prosodiae Graecae accentus inclinatione, Lipsiae, 1791; J. G. Hermann. De eniendanda ratione Graecae grammaticae, Lipsiae, 1801; De metris poetarum Graecorum et Romanorum, Lipsiae, 1796; I. F. Fischer, Animadversiones ad Jacobi Velleri grammaticam Graecam, Lipsiae, 1798.

²² Склонность к библиографии проявляется, напр., в описании на стр. 4—7 древних изданий т. н. Adagia Эразма Роттердамского.

²³ GLW, 1806, II, s. 364—368.

а в 1823 г. переводится на польский язык учеником Гроддека Станиславом Гриневичем.

После выхода в свет «Начал греческого языка» в следующем, 1807, году Жуковский издает греческую хрестоматию²⁴, подготовленную им на основе известного учебника Фридриха Якобса²⁵. В «Предисловии издателя» Жуковский сообщает, что предпринял «перепечатку» хрестоматии Ф. Якобса по настоянию университетского типографа Юзефа Завадского и тем самым осуществил «желание и надежду» Гроддека, выраженные им в 1806 г. в рецензии издания Ф. Якобса²⁶. Жуковский находит в хрестоматии Ф. Якобса лишь один недостаток — отсутствие указаний имен писателей, из которых берутся примеры, в связи с чем и его переиздание их не имеет. Кроме того, у Жуковского нет грамматических примечаний, которые Ф. Якобс дает после каждой главы. Вместо этого Жуковский собрал из этих примечаний более трудные глагольные формы и расположил их в алфавитном порядке в отдельной главе перед словарем. Это облегчило аппарат, но вместе с тем переложило всю тяжесть объяснений на учителя. В дальнейших переизданиях хрестоматии (в 1817²⁷ и 1822 гг.) Жуковский возвращается к методу Ф. Якобса, отказавшись от сводного словаря трудных форм и давая примечания сразу же после каждого параграфа. Однако тенденция к облегчению аппарата остается, так как эти примечания сокращены до минимума²⁸. Та же тенденция наблюдается и в словаре, откуда устранен ряд слов (в особенности имен собственных). В результате значительно уменьшился объем книги. Если у Ф. Якобса текст 8-го издания 1820 г. занимает 258 стр. и словарь с приложением ссылок на разные грамматики — 144 стр. (всего 402 стр.), то издание Жуковского 1822 г. содержит 144 стр. текста и 107 стр. словаря (всего 251 стр.), что дает выигрыш свыше 150 страниц.

По хрестоматии Жуковского греческому языку училась вся студенческая молодежь, в том числе Симонас Даукантас, в личной библиотеке которого среди прочих греческих книг была и вышеуказанная хрестоматия издания 1807 г.²⁹, Адам Мицкевич³⁰, Симонас Станяви-

²⁴ *Chrestomathia graeca czyli xięga pożyteczna i łatwa do czytania dla uczących się języka greckiego. Kurs pierwszy i drugi, w Wilnie, 1807.*

²⁵ *Elementarbuch der griechischen Sprache für Anfänger und Geübtere von Friedrich Jacobs, Theil 1, Cursus 1 und 2., Jena, 1805.*

²⁶ GLW, 1806, II, s. 156—160.

²⁷ Wypisy greckie ułożone przez sławnego profesora Fryderyka Jacobs podług piątego wydania w Jenie powtórnie przedrukowane w Wilnie staraniem i pracą Symona Felixa Zukowskiego, Adiunkta Uniwersytetu Wileńskiego, Wilno, 1817.

²⁸ Мы располагали для сравнения VIII изданием хрестоматии Ф. Якобса, на основании которого Жуковский в 1822 г. переиздал в последний раз свой учебник, озаглавив его: Wypisy greckie ułożone przez sławnego profesora Fryderyka Jacobs podług ósmego wydania w Jenie potrzecie przedrukowane staraniem i pracą Symona Felixa Zukowskiego, radzcy nadwornego, adiunkta w Uniwersytecie Wileńskim, Wilno, 1822.

²⁹ Рукописный отдел Института литовского языка и литературы Академии Наук Литовской ССР, SD, 33. psł.

³⁰ *T. Sinko. Literatura grecka, t. III, część I, Kraków, 1951, s. 434.*

чюс³¹, Юлий Словацкий³² и многие другие выдающиеся представители литовской и польской интеллигенции начала XIX в. «Хрестоматия» предлагала для чтения, главным образом, отрывки из «Диалогов» Лукиана («Разговоры богов», «Морские разговоры», «Разговоры в царстве мертвых»). Для Жуковского, по-видимому, было очевидным не только познавательное, но и воспитательное значение наследия этого «Вольтера древней Греции».

Зеркалом филологических и вместе с тем библиографических устремлений Жуковского, в котором, как в фокусе, скрещиваются его увлечения как классической, так и польской филологией и библиографией, является «извлеченное из могилы забвения» и возвращенное к новой жизни старое издание начала XVII столетия Андрея Мачуского «О дружбе и друзьях», которое Жуковский переиздал в 1817 г.³³

Первоначальное издание состояло из краткого посвящения «благородством, добродетелями, достоинством, мужеством известному в Польше досточтимому господину Яну Мелецкому из Мельца», перевода на польский язык отрывков из двух диалогов Платона («Пир», «Лисис»), почти всего трактата о дружбе Цицерона, трех крупных извлечений из Плутарха («Разница между льстецом и другом», «Польза от врагов», «Обширный круг друзей») и послесловия. Жуковский расширил издание А. Мачуского. Во-первых, параллельно с переводом он помещает текст подлинника; во-вторых, в обширном предисловии дает рецензию перевода, пытается установить личность Я. Мелецкого и год первоиздания А. Мачуского и, кроме того, излагает причины, побудившие его переиздать перевод двухсотлетней давности с приложением подлинных текстов на латинском и греческом языках.

Предисловие позволяет нам установить не только сильные, но и слабые стороны таланта Жуковского и раскрывает его духовную близость к руководителю вильнюсской филологической школы — Гроддеку как исследователю истории классической филологии в Польше³⁴.

Несомненно, что Жуковский был знатоком «польских древностей», особенно в отношении родословных и биографий, однако иногда это множество сведений, которыми он располагал и держал в памяти, толкало его на неверный путь и не позволяло заметить более простые и верные доказательства при установлении отдельных фактов. Так, напр., стремясь установить дату издания книги А. Мачуского, Жуковский кладет в основу своей гипотезы данные, которые пытается извлечь из посвящения. Однако убедительные на первый взгляд выводы Жуковского о том, что названного в посвящении Я. Мелецкого можно отождествить

³¹ *J. Lebedys*. Simonas Stanevičius, V., 1955, 97, 104—105 psl.

³² Последний — в школе (*T. Sinko*, *Literatura grecka*, t. III, cz. I, s. 434).

³³ Andrzej Maczuskiego o przyjaźnach i przyjaciółach pismo wydane w Dobromiłu według wszelkiego do prawdy podobieństwa między rokiem 1530 a 1540 na iaw ogłasza z dodatkiem textów oryginalnych Symon Felix Żukowski Imperatorskiego uniwers. Wileńskiego adiunkt, Wilno, 1817.

³⁴ FKW, s. 1—32.

с известным подольским воеводой, упоминаемым К. Несецким³⁵, и что год издания следует положить между 1530 и 1540 годом, оказываются ошибочными, потому что, как это показал И. Лелевель³⁶, само издательство, где вышла книга, существовало лишь в начале XVII столетия. Оказывается, Жуковский слишком много внимания уделил историческим сопоставлениям, не обратив внимания на внешние библиографические приметы издания (шрифт и гербовые типографские знаки) и не попытавшись определить по ним год издания. Кроме того, он упустил из виду и язык, и орфографию, не наблюдаемые в такой форме в начале XVI в. Ошибку Жуковского И. Лелевель справедливо расценивает, как «большой библиографический промах». Именно, беря за исходный пункт год существования добромильской типографии, И. Лелевель устанавливает личность Яна Мелецкого и выражает надежду, что Жуковский, «наш ученый и почтенный филолог, сердцу нашему дражайший», откажется от своего предположения и «воеводу подольского литературными интересами больше затруднять не станет».

Более осмотрительным является Жуковский при установлении личности А. Мачуского. Не находя в гербовниках его имени, Жуковский, опираясь на некоторые черты характера автора, выступающие, по его мнению, в посвящении и послесловии, ограничивается утверждением, что А. Мачуский — подлинное имя, а не псевдоним.

Считая книгу А. Мачуского памятником «навсегда полезным и близким сердцу знающих истинную ценность дорогого наследия наших предков — прекрасного польского языка», Жуковский сохраняет старинную орфографию первоиздания. Изменения касаются лишь знаков препинания, причем Жуковский предупреждает, что не собирается вводить по примеру некоторых современных романистов и даже не романистов чрезмерного количества троеточий и дефисов. Последнее замечание является полемическим выпадом Жуковского и свидетельствует о его пуристических тенденциях, проявляющихся также и в других его публикациях. Одновременно Жуковский объясняет некоторые особенности лексики и грамматики перевода А. Мачуского.

С другой стороны, Жуковский тщательно сверяет перевод А. Мачуского с подлинником и в некоторых местах его исправляет или дополняет, указывая на это в примечаниях и путем заключения вставок в квадратные скобки. Как уже было указано выше, Жуковский наряду с переводом дает текст подлинника. Делает он это, как сам говорит (стр. V), имея в виду «пользу учащейся молодежи», которая на его издании сможет сразу упражняться в трех языках, сравнивая их стилистические и лексические средства³⁷, и, кроме того, желая, по его словам,

³⁵ К. *Niesiecki*. *Korona polska*. W drukarni collegium lwowskiego Societatis Jesu. t. III, 1740.

³⁶ Joachima Lelewela *Bibliograficznych ksiąg dwoje...*, Wilno, 1823, t. 1, s. 143—145.

³⁷ Ср. с этим рассуждения проф. Ф. Ф. Зелинского о ценности древних языков как дополнения к родному и средства, ведущего к лучшему пониманию последнего (Ф. Ф. *Зелинский*. *Древний мир и мы*, СПб, 1905, стр. 23—25, 38—39, 43—50).

угодить ученым представительницам прекрасного пола, которых в стране есть немалое количество.

Как и подобает филологу, Жуковский, по мере возможности, берет подлинные тексты из новейших изданий³⁸ и лишь при отсутствии таковых обращается к более старинным или даже к хрестоматиям³⁹.

В конце предисловия Жуковский возвращается к затронутой уже им теме о пользе и необходимости изучения старопольского языка, содержащего сокровища, извлечение которых «непременно бы содействовало обогащению и более успешной разработке родной литературы, в особенности при условии прилежного изучения классических наук и распространения искусств». В этом сочетании Жуковский, как истинный филолог неогуманистического толка, видел залог прогресса родной культуры и литературы.

В двойной роли филолога-классика и полониста предстает перед нами Жуковский и в своем переводе на польский язык статьи Жеро Гролье «О золотом, серебряном, медном и железном веках», опубликованном в журнале «*Dziennik Wileński*» за 1816 г.⁴⁰

Публикация этой статьи в вильнюсском журнале объясняется совпадением взглядов ее автора с воззрениями на мифологию главы вильнюсской филологической школы Г. Э. Гроддека. Как Жеро Гролье, так и Г. Э. Гроддек восстают против стремления некоторых ученых рассматривать поэтические мифы исключительно как аллегории. «Не будем же говорить вместе с Жебеленом, что иносказание является подлинным ключом и фундаментальной основой древности», — убеждает Жеро Гролье⁴¹, — и в этом своем мнении сходится с Г. Э. Гроддеком, который в известной статье о том, «Как следует писать о мифологических предметах?»,⁴² утверждает, что тот, кто и в поэтических мифах хотел бы доискиваться аллегории, несомненно «ущемлял бы гений и достоинство славнейших поэтов»⁴³. Кроме того, характерная для Г. Э. Гроддека трактовка мифов как поэтической передачи действительных событий и миропонимания древнего человека весьма близка основному тезису Жеро Гролье о том, что любой миф заключает в себе крупницу «исторической, физической или нравственной истины»⁴⁴.

³⁸ Речь идет о т. н. бипонтийских изданиях, а также изданиях проф. Г. Э. Гроддека («Легий»).

³⁹ Выдержки из Плутарха даются на основании хрестоматии Ф. Якобса.

⁴⁰ O wiekach złotym, srebrnym, miedzianym i żelaznym, przez dawnych poetów opiewanych, domniemanie, a naprzód badania o odkryciu i wynalazku metallów. Rzecz pana Géraud Graulhié (tłumaczenie z pisma peryodycznego: Magasin encyclopédique... redigé par Millin. Décembre 1809 et Janvier 1810 — DW, 1816, III, s. 430—463, 530—564; IV, s. 44—69).

⁴¹ DW, 1816, III, s. 433.

⁴² DW, 1805, I, s. 44—53.

⁴³ Там же, стр. 51.

⁴⁴ DW, 1816, III, s. 433.

Правда, попытку Жеро Гролье истолковать в буквальном смысле гесиодовские определения веков нельзя признать удачной, однако его рассуждения об этапах технического прогресса человеческого общества весьма любопытны и несомненно заслуживали в свое время того внимания, с каким они были встречены в Вильнюсе.

Перевод статьи Жеро Гролье, выполненный Жуковским, является ярким примером целеустремленной деятельности вильнюсских филологов под руководством Г. Э. Гроддека. Одновременно он приносит новые доказательства того интереса, какой испытывал Жуковский по отношению к польскому языку и литературе более раннего периода.

Так, при переводе обильных выдержек из «Метаморфоз» Овидия, содержащихся в статье, Жуковский обращается к полузабытому изданию этой поэмы на польском языке Я. Жебровского, появившемуся в 1636 г., чем надеется «доставить большое удовольствие просвещенным читателям». Отрывки из «Георгик» Вергилия даны в переводе В. Отвиновского, также относящемся к первой половине XVII в., причем тут же помещена библиографическая справка о переводе В. Отвиновским «Метаморфоз» Овидия в 1638 г. Свой собственный перевод прозаического текста статьи Жуковский делает удобочитаемым польским языком, в котором, однако, встречаются некоторые архаические обороты, в дальнейшем совершенно вышедшие из употребления, как, например, инфинитивная конструкция после глаголов чувствования. Любопытна особо оговариваемая в примечании попытка создать по примеру русского языка польское соответствие греческого слова аллегория — *innorzczenie*. Этот неологизм не привился в польском языке, также как и второй, изобретенный Жуковским для передачи понятия идиом, — *tova domorodna*. Впрочем, это единственная известная нам реформаторская попытка Жуковского, в целом же для него характерна охранительная тенденция в языке, более согласующаяся с его увлечением старопольским языком и литературой.

В нашем обзоре работ Жуковского, связанных с польской филологией и библиографией, мы забежали немного вперед. В действительности, библиографические изыскания в области старопольского языка и литературы Жуковский начал еще раньше, публикуя на протяжении трех лет, начиная с 1815 г., в журнале «*Dziennik Wileński*»⁴⁵ ряд писем из корреспонденции видных польских католических деятелей XVI в. — Варминского епископа М. Кромера и кардинала С. Гозия. Все эти письма собственноручно были переписаны Я. Альбертранди⁴⁶ во время его путешествия по Швеции в одной из тамошних библиотек. В рукопись Я. Альбертранди, проданную в 1810 г. его наследником графом А. Ласкарисом библиотеке Вильнюсского университета⁴⁷, входили еще другие

⁴⁵ DW, 1815, II, s. 1—19, 109—125; 1816, III, s. 1—15, 491—505; IV, s. 1—15; 1817, V, s. 2—23, 537—553; VI, s. 1—17, 367—384 (всего 9 статей).

⁴⁶ Польский историк и археолог, основатель Варшавского общества друзей наук, умерший в 1808 г.

письма, как самого С. Гозия, так и к С. Гозию на итальянском, немецком и латинском языках, однако Жуковский издал лишь польские письма, за исключением письма кардинала К. Дебурбона на французском языке. Несмотря на то, что Жуковский главной своей задачей считал ознакомление общественности с памятниками польской письменности, он, как истинный библиограф, не проходит мимо писем на других языках и дает их краткое описание⁴⁸. Оно представляет собой ученый комментарий, в котором главные усилия Жуковского направлены на выяснение личности авторов писем и составление о них справок исторического характера. В выяснении интересовавших его подробностей Жуковский обнаруживает большую начитанность и настойчивость. При этом попутно он сообщает ценные сведения о состоянии вильнюсских архивов и местонахождении отдельных рукописей. Наряду с этим, он кратко излагает основное содержание писем, отмечая их ценность для освещения той или иной стороны ушедшей в прошлое жизни. Примером может служить письмо королевского физика Валтасара Шимошевского от 3 марта 1556 г., знакомящее нас с состоянием аптекарского дела в XVI в. и содержащее небезытересные сведения по истории фармации в Польше⁴⁹.

В этой публикации Жуковский преследовал определенные цели: во-первых, извлечь на свет божий некоторые подробности о неизвестных до времени Жуковского переводах на польский язык в XVI в. и, во-вторых, разобрать вопрос о польской орфографии XVI в., увязав этот вопрос с актуальными в его время попытками реформировать орфографию польского языка. При этом обнаруживается любопытная, нами уже выше замеченная, пуристическая тенденция Жуковского, проливающая свет на грамматические споры начала XIX столетия, не утратившие до сих пор своей актуальности.

Жуковский обращает внимание на то, что правописание письма М. Кромера почти ничем не отличается от правописания времен Жуковского, в то время как в письмах к нему от разных лиц наблюдается большой разноречивой и неоднородностью⁵⁰. Сравнивая письма данцигского казначейства Я. Костки к С. Гозию и польские вставки в латинских письмах к С. Гозию С. Шединского и Е. Тычинского с письмами того же Я. Костки к М. Кромеру, Жуковский подчеркивает странность и необычность орфографии первых. Кроме обильных т. н. макаронизмов, имеющих в письме Е. Тычинского, в нем употребляется аспирированное *t* (*th* вместо *t*, напр., *thak* вместо *tak*, *dothqđ* вместо *dotqđ*), аффриката *ç* обозна-

⁴⁷ О приобретении университетом рукописей Я. Альбертранди см. подробнее М. *Baliński*. Pamiętniki o Janie Sniadeckim, t. I, Wilno, 1865, s. 581—582. Есть сведения, что в 1834 г. т. н. папки Альбертранди были переданы Министерству просвещения, которое в свою очередь включило их в состав одной из петербургских библиотек (*M. Brensztejn*, Biblioteka uniwersytecka w Wilnie do roku 1832, Wilno, 1925, s. 94).

⁴⁸ DW, 1815, II, s. 112—125.

⁴⁹ Там же, стр. 120.

⁵⁰ Там же, стр. 9.

чается двумя буквами *cz* (напр., *dająncz* вместе *dając*). В письме Я. Костки к С. Гозию двумя буквами обозначается не только аффриката *ц*, но и спиранты *с*, *сб*, а также аффриката *цб* (напр., *winszuyącz, raczyłeś, bićz, dacz, znac, dōszicz, mieszczcie, chcąncz* вместо *winczując, raczyłeś, czynić, być, dać, znać, dosyć, mieście, chcąc*)⁵¹, вводится гемината *ф* (напр., *w fforthunnim papowaniu*), *ий* для обозначения как полугласного *й*, так и гласного *и* (напр., *moij, raczyłeś mij tho oznajmicz=mój, raczyłeś mi to oznajmić*), закрытый задний негубной звук *ы* пишется через *и* (напр., *gdi bi then zijazd pszi thim=gdyby ten zjazd przy tym*), насализация обозначается одновременно двумя способами — носовой гласной и следующей за ней носовой согласной (напр., *bęnde, prosząncz* и т. п.).

В связи с этим Жуковский высказывает предположение, что это не неграмотность, как могло бы кому-нибудь казаться, — ведь писали так люди не лишённые образования, — а не получившая признания попытка реформировать орфографию. Он сравнивает ее с обнаружившимися в его время поползновениями видоизменить правописание⁵². Пользуясь удобным случаем, Жуковский выступает в защиту исторически сложившейся орфографии и порицает фонетический принцип замены *з* буквой *с* перед глухими (напр., *s Połocka, s Krzemieńca*), указывая одновременно на непоследовательность: новаторы не предлагают писать *ф* вместо *в* (напр., *f Połocku, f Krzemieńcu*), хотя так ошибочно пишут с давних пор многие.

Вопрос о чистоте языка и правилах орфографии был актуален во времена Жуковского, как об этом свидетельствует выступление на страницах «*Dziennik Wileński*»⁵³ одной дамы, «уроженки земли пржемысльской», по поводу статьи Яна Снядецкого «О польском языке»⁵⁴. В связи с этим понятным становится и замечание Жуковского при публикации письма Я. Костки с отступлениями от орфографических норм, что он имеет в виду «оказать тем самым услугу в особенности прекрасному полу, умеющему чувствовать вкус в польском языке».

Одновременно Жуковский обрушивается на Е. Тычинского (одного из авторов писем) за употребление макаронизмов. Характеризуя Е. Тычинского как человека, сведущего в языках и необыкновенно остроумного, он отмечает, что им «овладел зуд к смешению иностранных языков с родным». «Итак, — продолжает Жуковский, — распространившееся, как поветрие, это вредное стремление испещрять иностранными словами красивый и достаточно сам по себе богатый язык наших предков неверно приписывают одним иезуитам, хотя и они в значительной и, возможно, даже в наибольшей степени этому содействовали; но начало ему положили люди, не хотевшие признавать значения и благородства их собственного языка и проявлявшие чрезмерную любовь к чужим языкам».

⁵¹ Ср. у М. Кромера *chcąc, przyiść, czynić* (DW, 1815, II, s. 11—13).

⁵² Там же, стр. 117.

⁵³ DW, 1815, I, s. 197.

⁵⁴ Там же, стр. 7—20, 101—113.

Наряду с лингвистическими проблемами Жуковского интересовали и вопросы истории литературы.

Так, из латинского письма вильнюсского бургомистра А. Ротундуса он добывает сведения о получении А. Ротундусом в письме от С. Гозия для жемайтійского старосты Я. Ходкевича трех декламаций одного браунсбергского учителя, о просьбе Я. Ходкевича, обращенной к А. Ротундусу, перевести эти декламации на польский язык и об уклончивом ответе А. Ротундуса, который за неимением возможности лично выполнить просьбу Я. Ходкевича поручает осуществить перевод некоему Войтеху Пржегоцкому. В этом же письме речь идет о переводе на польский язык тем же Войтехом Пржегоцким одного из сочинений С. Гозия против И. Бренция с присовокуплением краткой характеристики В. Пржегоцкого.

Внушая своим соотечественникам чувства любви и уважения к великому прошлому своего народа, Жуковский в условиях национального гнета в начале XIX в. стоял на прогрессивных позициях, хотя и не принимался до понимания необходимости организованной борьбы с царским режимом во имя защиты национальных духовных ценностей и будущего расцвета национальной культуры и науки в раскрепощенном и освобожденном от всякого угнетения обществе.

К мысли о необходимости освоения культурного наследия прошлых веков Жуковский неоднократно возвращается. Например, он пишет: «Поистине недалеким и лишенным высокого ума был бы человек, пренебрегающий знанием древних обычаев своих предков и не интересующийся способом их мышления и употребления столь дорогого для нас языка»⁵⁵. И снова с сожалением указывая на отдельные факты порчи языка латинскими вставками, Жуковский подчеркивает тем большее значение тех писем, «которые, ввиду их незапятнанной чистоты, являются драгоценными памятниками нашего языка». Жуковский не сомневался, что издание «этих писем, благодаря их древности и своеобразию, будет встречено с удовлетворением просвещенной публикой».

Жуковский не обманулся в своих ожиданиях. Одним из прилежных читателей опубликованных писем стал Адам Мицкевич, который в то время весьма интересовался языком писателей XVI в. В 1819 г. в журнале «Tygodnik Wileński»⁵⁶ выходит его «рассказ из литовской истории» под названием «Живилла», созданный, как это указывается в подзаголовке, на основе «древних польских рукописей» и написанный архаизированным языком и стилем. Рукописные материалы были представлены редакции лицом, обозначенным инициалами П. С. Ф. Ж., под которыми несомненно скрывается двойное имя и фамилия Жуковского⁵⁷. Ссылка в данном случае на Жуковского делает весьма убедительным предположение, что к архаизации языка и стиля «Живиллы», кроме университетских занятий под руководством зам. профессора Л. Боровского,

⁵⁵ DW, 1816, III, s. 2—3.

⁵⁶ „Tygodnik Wileński“, t. VII. 1819, s. 113—121.

⁵⁷ П. может быть начальной буквой слова пан.

склонило Ад. Мицкевича недавнее издание Жуковским древнепольских литературных памятников⁵⁸.

Все же со стороны некоторых людей начинание Жуковского не встретило поддержки. Об этом свидетельствует полемически заостренное предисловие Жуковского к дальнейшим частям задуманной публикации в 1817 г.⁵⁹ Жуковский заявляет там о своей решимости довести начатое им дело публикации писем до конца.

Свое намерение Жуковский осуществил. Однако первоначально он предполагал еще приложить к публикации список всей корреспонденции М. Кромера на разных языках вместе с примечаниями издателя. Это обещание осталось невыполненным. Приложения так и не появились в печати.

Насколько разносторонни были научные интересы Жуковского, свидетельствует предпринятое им в 1821 г. издание материалов по истории ремесел и промышленности в гор. Вильнюсе. В 1821 г. в журнале «Dzieje dobroczynności»⁶⁰ Жуковский публикует «Проспект собирания сведений, могущих служить материалом к истории ремесел и промышленности в гор. Вильнюсе», в котором кратко излагает современное состояние ремесленных цехов, или братств, в Вильнюсе, их внутреннюю организацию и затем выдвигает необходимость исследовать их историю, что, по его мнению, могло бы дать материал «к национальной промышленности в здешней некогда столице Литвы». «Ученый комитет» Вильнюсского благотворительного общества, в адрес которого обращался Жуковский в своем проспекте, благожелательно отнесся к предложению и предоставил Жуковскому возможность опубликовать в журнале общества⁶¹ собранные им материалы. Однако, по-видимому, подготовительная работа к моменту получения согласия на публикацию документов Жуковским не была закончена, и он опубликовал лишь одну «привилегию для портных» польского короля Яна Казимира.

Не появились в печати и обещанные «Примечания, наблюдения и исторические сведения», которые Жуковский намеревался опубликовать позднее⁶². Так получилось и с приложениями к переписке М. Кромера и С. Гозия.

Сопоставляя эти два факта, можно предположить, что как в первом, так и во втором случае Жуковскому не хватило терпения для соответствующей обработки находившихся в его распоряжении материалов. Обладая блестящими способностями, Жуковский все же не мог долго работать в одном направлении. Работа синтезирующего характера его отталкивала.

Некоторым оправданием в последнем случае может служить перегруженность Жуковского. Так, напр., немало сил и времени отнимали

⁵⁸ Ср. *P. Chmielowski, Adam Mickiewicz, t. I, Warszawa, 1886, s. 134.*

⁵⁹ DW. 1817, V, s. 2—3.

⁶⁰ „Dzieje dobroczynności krajowej i zagranicznej z wiadomościami ku wydoskoleniu jej służącymi“, 1821, s. 2181—2184.

⁶¹ „Dzieje dobroczynności“, 1822, s. 596—609.

⁶² Журнал „Dzieje dobroczynności“ выходил и в 1823 и 1824 гг.

обязанности цензора еврейских книг, которые были возложены на Жуковского в 1824 г. Дело в том, что, как об этом уже говорилось выше, Жуковский был знатоком не только классических языков, но и прекрасно знал древнееврейский язык. В связи с этим в 1810 г.⁶³ наряду с преподаванием греческого языка ему было поручено вести занятия по древнееврейскому языку с членами вновь открытой при университете (в составе факультета моральных и политических наук) т. н. главной семинарии, готовившей богословов. Для этой цели Жуковский издает в 1809 г. «Начала еврейского языка»⁶⁴, а в 1811 г. «Еврейскую хрестоматию»⁶⁵. Последняя составлена по известному пособию И. Фатера с приложением отрывков из т. н. соломоновых притч (стр. 88—115), подобранных самим Жуковским, и снабжена предисловием⁶⁶. Ее напечатал за свой счет университетский типограф Юзеф Завадский. Занятия с семинаристами по древнееврейскому языку Жуковский вел вплоть до закрытия университета в 1832 г. Одновременно он им читает лекции по богословским предметам: с 1810 по 1812 г. он излагает Исагогу⁶⁷, т. е. введение в книги Ветхого завета, а с 1813 по 1824 г., с перерывом в 1815/1816 и 1816/1817 уч. гг., читает курс библейской археологии⁶⁸.

Университетские лекции по этим предметам требовали постоянных занятий древнееврейским языком, чтобы черпать из источников материал для них. Результатом этих занятий был перевод Жуковским на польский язык с древнееврейского подлинника отдельных мест Ветхого завета⁶⁹. Перевод этот остался в рукописи (она не сохранилась) за одним исключением. В журнале «Dzieje dobroczynności» за 1822 г.

⁶³ Точнее, с 22 апреля 1810 г. (см. ВГУ, КС, 135, стр. 557—559; ср. письмо Ю. Завадского к А. Чарторийскому от 7.VI.1809 г. — MLO, t. I, s. 22). Сам Жуковский готовился приступить к преподаванию древнееврейского языка уже с начала 1808—1809 уч. г., однако по неизвестным причинам назначение его не состоялось. А. Иохер («Znicz», 1835, s. 169) и Ю. Белинский (Uniwersytet Wileński, t. III, s. 363) ошибаются, говоря, что Жуковский начал преподавать еврейский язык в 1808 г. Источником ошибки, вероятно, послужило то, что лекции Жуковского по древнееврейскому языку были объявлены в „Praellectiones in Universitate doctrinarum Caesarea Vilmensi a kalendis septembris anni MDCCCVIII ad pridie Kal. Julii anni MDCCCIX — Vilnae“.

⁶⁴ Początki języka hebrajskiego przez Sebastiana Zukowskiego z przydatkiem czytania i tłumaczenia tego języka, w Wilnie, 1809.

⁶⁵ Wypisy hebrajskie podług układu J. Sev. Vater, z przydatkiem znacznej części przypowieści Salomonowych i z pomnożonym, stosownie do przydatku, słownikiem hebrajsko-łacińsko-polskim, wydane przez S. Zukowskiego T. M. Adi. Uniw. Wil., w Wilnie, 1811.

⁶⁶ Подпись под предисловием гласит: „*Seb. Symon Felix Zukowski*“. Указание в заглавии имени Севастьян свидетельствует о том, что в 1811 г. Жуковский еще считался формально принадлежащим к ордену василиан, однако уже в переиздании греческой хрестоматии в 1817 г. имя Севастьян больше не упоминается, что говорит о возвращении его к тому времени в светское состояние.

⁶⁷ Вряд ли Жуковский получил разрешение читать ее раньше, чем приступил к занятиям по древнееврейскому языку.

⁶⁸ Жуковский воспитал нескольких знатоков еврейского языка, среди которых наиболее известным стал, впоследствии достигший звания прелата, Мамертый Гербурт (Kalendarz rzymsko-katolickiego Towarzystwa Dobroczynności w Petersburgu, 1899, s. 163—167).

⁶⁹ „Znicz“, 1835, s. 185.

(стр. 389—395) была опубликована «Попытка перевода почти слово в слово псалма VII, прямо с подлинника, согласно еврейской параллели, рядом с текстом, с необходимыми литературными примечаниями Симона Жуковского». Кроме того, в рукописи остались (не сохранились) переводы богословско-филологических работ на латинском языке знаменитого венского востоковеда И. Яна, которыми Жуковский пользовался при составлении конспектов для своих лекций⁷⁰. Сохранились также сведения о том, что Жуковский одновременно с еврейской грамматикой собирался издать на древнееврейском языке с параллельным польским переводом т. н. Пятикнижие Моисея⁷¹. Это издание не было осуществлено.

Как мы видим, деятельность Жуковского в области преподавания древнееврейского языка и издания пособий к его изучению была довольно обширная. Вот почему, когда в 1822 г. возникла мысль, чтобы один из членов Вильнюсского комитета цензуры знал еврейский язык, выбор пал на Жуковского⁷². Жуковский не хотел сначала давать своего согласия, однако в конце концов уступил, склоненный просьбами лиц, заинтересованных в том «чтобы иметь более снисходительного или, вернее, менее внимательного цензора»⁷³. Обязанности цензора Жуковский исправлял в течение трех лет, начиная с 28 июля 1824 г.⁷⁴

В свое время, еще в самом начале научного пути Жуковского, поднимался вопрос о высылке его за границу для усовершенствования в восточных языках. Намечалось, что с этой целью Жуковский посетит Рим⁷⁵. Когда этот проект не прошел, Жуковский пытался получить командировку в Крым⁷⁶. Несмотря на неуспех всех этих проектов, Жуковский самостоятельно (с помощью какого-то турка)⁷⁷ изучил арабский язык, не говоря уже об истории Востока и арабской литературе, произведения которой он читал в подлиннике, в особенности Коран⁷⁸. Несомненно, что в этом своем стремлении он встречал поддержку Гроддека, который знал еврейский и арабский языки⁷⁹. В конце концов Жуковский стал видным специалистом по восточным языкам и весьма успеш-

⁷⁰ Jana Jahn *Archaeologia bibliczna to jest nauka starożytności hebrajskich w Xięgach Starego Przymierza zawierających się z łacińskiego języka na polski przetłumaczona. Część 1 i 2, arkuszy 103; Wstęp albo wprowadzenie do xiąg Starego Przymierza z łacińskiego języka Jana Jahn. Część 1 i 2, arkuszy 107 („Znicz“, 1835, s. 185).*

⁷¹ MLO, t. I, s. 9.

⁷² „Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego“, t. XXVI, 1900, s. 222. Вторым кандидатом в цензоры был профессор на кафедре священного писания М. Бобровский, однако А. Чарторийский отклонил его кандидатуру, не желая «отрывать от его многих и полезных дел» (там же, стр. 240).

⁷³ Там же, стр. 266.

⁷⁴ ВГУ, КС, 145, стр. 511—517.

⁷⁵ ВГУ, КС, 21, стр. 257.

⁷⁶ MLO, t. I, str. 26—27.

⁷⁷ *M. Baliński. Pamiętniki o Janie Śniadeckim*, t. 1, s. 495.

⁷⁸ „Znicz“, 1835, s. 172—173.

⁷⁹ *Pamiętnik biblioteki Kórnickiej*, t. VI, Kórnik, 1958, s. 310—311.

но преподавал их в университете. Можно предположить, что известный впоследствии востоковед О. Сенковский (впрочем, известный более под псевдонимом барона Брамбеуса), а также Я. Верниковский, научную деятельность которого в Казанском университете прервал арест и ссылка в Вятскую губернию, именно Жуковскому обязаны своими первыми познаниями в восточных языках. Наконец, его влияние могло сказаться в какой-то мере и на решении посвятить себя востоковедению таких будущих светил в этой области, как Осип Ковалевский и Александр Ходько, в свое время бывших студентами Жуковского.

Следует еще сказать об одной весьма интересной инициативе Жуковского, которую следовало бы подхватить и продолжить нынешним филологам и историкам. В данном случае мы имеем в виду предпринятое им изучение вильнюсской кладбищенской глиптики. По собственному почину, он переписал все надгробные надписи на евангелическом кладбище по ул. Татарской⁸⁰. Если бы когда-либо эта рукопись отыскалась, она принесла бы ценные сведения по истории нашего города⁸¹.

Для полной картины разносторонней деятельности Жуковского остается прибавить несколько подробностей об его участии в различного рода комиссиях, или комитетах, и выполнении им некоторых специальных поручений в области начального образования.

Так, в 1808 г. он являлся председателем комитета по составлению проекта открытия в Вильнюсе школы для еврейских детей⁸². В 1815 г. он вошел в состав созданного по предложению Гроддека комитета, ведавшего изданием древних авторов⁸³, а также в состав комитета для рассмотрения всех прочих «элементарных книг» (т. е. учебников)⁸⁴. В 1817 г. он был назначен членом (присутствующим) т. н. училищного комитета под председательством ректора⁸⁵. В работе училищного комитета Жуковский принимал участие вплоть до его преобразования в 1823 г.⁸⁶

⁸⁰ Encyklopedia Powszechna Orgelbranda, Warszawa, 1868, t. 28, s. 1079. От него не осталось ныне никаких следов.

⁸¹ После смерти Жуковского она хранилась в частном собрании графа Евстафия Тышкевича, а затем в Вильнюсском музее древностей. Когда в 1864 г. музей был расформирован, рукопись была передана Виленской публичной библиотеке (открыта в 1867 г.), однако в описании рукописей этой библиотеки она не значится. (Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки, вып. IV, Вильна, 1903, стр. XIII; ср. *L. Vladimirovas. Vilniaus universiteto biblioteka, V., 1958, 42 psl.*)

⁸² „Znicz“, 1835, s. 182. Такая школа действительно была открыта 1 марта 1808 г. (MLO, t. I, s. 9), однако еще в 1817—1822 гг. Жуковский, как член училищного комитета, «занимался с представителями от вильнюсского кагала относительно основания светской школы для евреев и представил соответственный с этим проект» (Центральный государственный исторический архив МВД Литовской ССР — в дальнейшем ЦГИА, — ф. 567, оп. 2, д. 674, стр. 89). Возможно, ранее основанная школа имела религиозный характер.

⁸³ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 674.

⁸⁴ Там же, д. 622.

⁸⁵ Этот училищный комитет был создан 16.VII.1817 г. (ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 701, стр. 1), назначение же Жуковского состоялось 29.VII.1817 г. (ВГУ, КС, 135). Сведения А. Иохера („Znicz“, 1835, s. 182) о том, что Жуковский стал членом училищного комитета уже в 1807 г., не подтверждаются документами. Возможно, А. Иохер ошибся.

⁸⁶ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 674, стр. 91—92.

В 1823 г. он по заданию университетского начальства трудился над составлением таблиц для т. н. ланкастерских школ, или школ взаимного обучения, в Вильнюсе⁸⁷, а с 1827 по 1829 г. участвовал в коллективной работе по описанию привезенной в Вильнюс нумизматической коллекции Кременецкого лицея, за что 11 января 1830 г. в числе других был награжден 500 рублями⁸⁸.

Нельзя обойти молчанием и работу Жуковского в университетской библиотеке, где он с 24 мая 1806 г. занимал должность помощника библиотекаря⁸⁹. К этой работе привлек его опять же Гроддек, который, как директор библиотеки, нуждался в образованных и любящих книги сотрудниках. Жуковский посвятил много времени и сил библиотеке. Прежде всего, он взял на себя труд включения Гродненской иезуитской библиотеки в состав Вильнюсской университетской библиотеки и, кроме того, отдельно описал имевшиеся в последней инкунабулы и прочие древние книги⁹⁰. Затем совместно с двумя другими помощниками библиотекаря под общим руководством Гроддека он на протяжении ряда лет активно работал над составлением каталога и, наконец, в 1818 г. руководил перенесением и размещением библиотечных книг в новом, специально оборудованном для библиотеки помещении, состоявшем из нынешнего университетского колонного зала и примыкающих к нему трех аудиторий⁹¹.

Несмотря на свою загруженность преподавательской работой, Жуковский, по-видимому, неплохо справлялся со своими обязанностями в библиотеке. Он по своей натуре нуждался в твердом руководстве, которое и осуществлял Гроддек, чей авторитет был для Жуковского непрекаем. По смерти Гроддека все переменялось. Самостоятельно работать на посту директора библиотеки оказалось Жуковскому не под силу⁹², оставаться же на прежней подчиненной должности ему, вероятно, было неудобно. В 1826 г. он, ссылаясь на плохое состояние здоровья, уходит из библиотеки и на должность директора назначается Людвик Соболевский⁹³.

При столь разнообразных и многочисленных обязанностях Жуковский не мог сосредоточиться на научной работе и достиг лишь звания адъюнкта, которое ему было присвоено 23 марта 1809 г.⁹⁴ Правда, после смерти проф. В. Мюнниха⁹⁵, Жуковского избирают профессором (вероятнее всего, заместителем профессора)⁹⁶ и поручают ему читать гре-

⁸⁷ „Znicz“, 1835. s. 182.

⁸⁸ *M. Brensztejn*. Biblioteka uniwersytecka w Wilnie do roku 1832, s. 79; ср. ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 1729, стр. 234.

⁸⁹ ВГУ, КС, 135, стр. 557—559. Библиотекарь-директор библиотеки.

⁹⁰ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 1976.

⁹¹ *M. Brensztejn*. Biblioteka uniwersytecka, s. 43—45, 58.

⁹² Там же, стр. 74.

⁹³ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 1976.

⁹⁴ ВГУ, КС, 135, стр. 557—559.

⁹⁵ В. Мюнних, в прошлом профессор Краковского университета, по смерти Гроддека получил его кафедры в Вильнюсском университете; умер в 1830 г. в Вильнюсе.

⁹⁶ *Pamiętniki Ks. Stan. Jundziłła*, Kraków, 1905, s. 129.

ческую литературу⁹⁷, однако, по всей вероятности, он в этом звании не был утвержден, так как А. Иохер в биографии, написанной непосредственно после смерти Жуковского, называет его адъюнктом⁹⁸.

Признанием заслуг Жуковского в деле подготовки специалистов по восточным языкам и неутомимой деятельности в области классической и польской филологии было избрание его в 1827 г. членом корреспондентом Лондонского королевского азиатского общества и в 1829 г. членом корреспондентом Варшавского общества друзей наук⁹⁹. Кроме того, он неоднократно награждался по службе с присвоением званий сначала, в связи с окончанием университета и получением степени магистра, титулярного советника, затем, 31 декабря 1817 г., — надворного советника со старшинством с 31 декабря 1815 г. и, наконец, 26 ноября 1822 г. — коллежского советника. В 1828 г. он был представлен к значку отличия беспорочной службы¹⁰⁰.

Беспорочная с точки зрения попечителя Н. Новосильцова, подписавшего представление, служба в наших глазах могла бы стать одним из пунктов обвинения Жуковского в индифферентном отношении к происходившей в его время борьбе прогрессивных сил с реакцией. К счастью, мы знаем, что так не было. Конечно, Жуковский не проявлял такой активности, как И. Лелевель и некоторые другие профессора, в конце концов пострадавшие во время центрального события тех лет — процесса филаретов, однако его смело можно назвать в числе людей, придерживавшихся либеральных взглядов. Об этом свидетельствуют как его связи с передовой частью тогдашнего общества, так и содействие различным мероприятиям, направленным на распространение просвещения в народе. Готовя проект открытия в Вильнюсе начальной еврейской школы, работая над созданием условий для обучения детей по системе Белла-Ланкастера, он тем самым практически служил делу прогресса, действовал в духе господствовавших в университете идей либерализма.

Общие политические взгляды, а не только издательские интересы связывали, по-видимому, Жуковского с просвещенным вильнюсским издателем Ю. Завадским. Через него он знакомится и с прогрессивным русским библиографом, переводчиком и издателем В. Анастасевичем. Обстоятельства этого знакомства весьма любопытны. В. Анастасевич перевел на русский язык сочинение Валериана Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами» и издал его у Ю. Завадского в 1809 г. Книга имела антикрепостнический характер, и перевод ее, расширенный выпиской из «Древней российской библиотеки», вызвал неудовольствие правительства. Ю. Завадскому угрожал суд¹⁰¹. Лишь объединенными усилиями издателя и переводчика опасность была устранена. Жуков-

⁹⁷ Praelectiones за 1830/1831 уч. г.

⁹⁸ Ср. Encyklopedia Powszechna Orgelbranda, 1868, t. 28, s. 1078, где говорится, что Жуковский по собственной инициативе открыл курс греческой литературы, большей частью не получая за это никакого вознаграждения.

⁹⁹ „Znicz“, 1835, s. 183.

¹⁰⁰ ВГУ, КС, 135, стр. 557—559; ВГУ, КС, 145.

¹⁰¹ MLO, t. I, s. 62.

ский — друг Ю. Завадского, близко сошелся с В. Анастасевичем. При посещении в 1810 г. Петербурга он у него останавливается, получает через него запрещенные книги¹⁰². Все это говорит в пользу Жуковского, характеризует его как единомышленника В. Анастасевича.

Близок был Жуковский и к К. Контриму, который до 1825 г. был одним из наиболее деятельных людей в Вильнюсе. Совместно с Ю. Завадским, И. Лелевелем и другими он выдвигал проект организации журналов в Вильнюсе, Варшаве и Львове¹⁰³. Он редактировал журнал «Dzieje dobroczynności», в котором печатался Жуковский¹⁰⁴; он был одним из основателей прогрессивного «Общества шубравцов»¹⁰⁵, входил в масонскую ложу¹⁰⁶. Дружба Жуковского с К. Контримом началась еще в первые годы их общей работы в университете, где они оба были помощниками Гроддека по библиотеке. Как и Жуковский, К. Контрим искренне был расположен к Ю. Завадскому. Когда последний готовил второе издание своего учебника географии¹⁰⁷, К. Контрим и Жуковский для ускорения выхода в свет книги оба правили корректуры¹⁰⁸.

В 1804—1808 гг. в университетской среде Вильнюса возникло научное общество «Towarzystwo nauk i umiejętności», более, впрочем, известное под названием «Towarzystwo filomatyczne», в которое входили, наряду со студентами, ряд профессоров и преподавателей университета. Как Жуковский, так и К. Контрим деятельно участвовали в его создании и работе. К. Контрим являлся сотрудником издаваемого обществом журнала «Tygodnik»¹⁰⁹, Жуковский в 1807 г. был президентом общества¹¹⁰. Общество определенно носило прогрессивный характер, хотя было лишено политической окраски и ставило перед собой лишь научные цели. Возникшее спустя десятилетие тайное студенческое «Общество филоматов», заимствовав название, расширило программу деятельности. Наряду с наукой были выдвинуты лозунги нравственного совершенствования и служения родине. Последние два лозунга остались вне поля зрения молодежи 1805—1808 гг.¹¹¹

Душой первого на вильнюсской почве общества филоматов стал И. Лелевель, письма которого являются основным источником наших сведений об его организации и работе¹¹².

Таким образом, Жуковский, во всяком случае в рамках общества, сотрудничал с И. Лелевелем и несомненно должен был ощущать на се-

¹⁰² MLO, t. 1, s. 217.

¹⁰³ Там же, стр. 82—88.

¹⁰⁴ J. Bieliński. Uniwersytet Wileński, t. III, s. 420.

¹⁰⁵ J. Bieliński. Szubrawcy w Wilnie, Wilno, 1910, s. 76—78.

¹⁰⁶ Там же, стр. 26.

¹⁰⁷ Первое издание в 1810 г., второе — в 1812.

¹⁰⁸ MLO, t. I, s. 247.

¹⁰⁹ Z. Jabłońska-Erdmanowa. Oświecenie i romantyzm w stowarzyszeniach młodzieży wileńskiej na początku XIX w., Wilno, 1931, s. 167.

¹¹⁰ Listy Joachima Lelewela, Poznań, t. I, 1878, s. 109.

¹¹¹ Cp. Z. Jabłońska-Erdmanowa, Oświecenie..., s. 31.

¹¹² Listy Joachima Lelewela, t. I, s. 50—51, 57—58, 69—71, 76—79, 82—83, 108—109.

бе влияние последнего. Кстати, общество много дало Жуковскому и с формальной стороны. Его первые две работы — «Начала греческого языка» и «Греческая хрестоматия» — были изданы по программе и, надо полагать, на средства общества¹¹³.

В конце XVIII и начале XIX в. представители либерально настроенного литовского дворянства, а также духовенства и профессуры охотно входили в масонские ложи, видя в масонстве организацию просветительного и благотворительного характера¹¹⁴. Особенно оживилась деятельность масонских лож с вступлением на престол Александра I, носившего поначалу маску либерального монарха. В этот период ложи, по природе своей космополитические, приобретают характер национально-патриотических обществ¹¹⁵. Кастовость масонства выражалась в том, что в ложи не принимались выходцы из крестьянства и ремесленников¹¹⁶. Несмотря на это, в то время масонство представляло собой прогрессивное явление и принадлежность к ложам свидетельствовала о передовых взглядах человека. Жуковский и его учитель Гроддек были масонами и входили в состав лож «Добрый пастырь» (Гроддек) и «Ревностный литовец» (Жуковский)¹¹⁷, что является доказательством их активной позиции, во всяком случае, в национальном вопросе, в вопросе о независимости Литвы и Польши. После роспуска лож в 1821 г. Жуковский официально отказался от членства¹¹⁸, однако из-за бывшей принадлежности к масонам ему еще в 1823 г. грозили неприятности, вплоть до возможности неутверждения в должности цензора¹¹⁹. Как мы знаем, все обошлось благополучно.

После закрытия университета в 1832 г. Жуковский вышел на пенсию¹²⁰. Чем он занимался в этот период, достоверно неизвестно, однако можно предположить, что именно в эти годы он штудировал «Опыты» Монтеня, перевод большей части которых был найден среди его бумаг после смерти¹²¹, наступившей 9 февраля 1834 г.

Жуковский был одним из наиболее эрудированных вильнюсских филологов начала XIX в. Его педагогическая и научная деятельность не выходила за рамки господствовавшей в Вильнюсском университете либеральной идеологии, однако она во многом способствовала формированию демократических взглядов передовой университетской молоде-

¹¹³ Listy Joachima Lelewela, t. I, s. 109; ср. *Z. Jabłońska-Erdmanowa*. Oświecenie..., s. 166.

¹¹⁴ *J. Bieliński*. Szubrawcy w Wilnie, s. 26.

¹¹⁵ *S. Załęski*. O masonii w Polsce, Kraków, 1889, s. 197.

¹¹⁶ *J. Bieliński*. Szubrawcy w Wilnie, s. 33.

¹¹⁷ Жуковский даже имел звание мастера. (*S. Załęski*. O masonii w Polsce, dodatek, s. VI.)

¹¹⁸ В сентябре 1822 г. в Литве государственным служащим было предложено подписать формулярные заявления о выходе из масонства. В Вильнюсе первым подписал такое заявление Гроддек (*S. Załęski*. O masonii w Polsce, s. 277).

¹¹⁹ „Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego“, t. XXVI, s. 266.

¹²⁰ „Znicz“, 1835, s. 167. В то время Жуковский уже имел звание статского советника (ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 2921, л. 3 и 95).

¹²¹ „Znicz“, 1835, s. 185—186.

жи. Это его вклад в дело развития общественной мысли в Литве. Что же касается классической филологии, то его роль здесь определяется поддержкой всех начинаний Гроддека, направленных на создание крепкой филологической школы, которую принято называть его именем.

SIMONAS ZUKOVSKIS — XIX a. PRADZIOS VILNIAUS HELENISTAS

E. FROLOVAS

Re z i u m ė

Vilniaus universitete, nehumanizmo veikiamą, XIX a. pradžioje susikūrė profesoriaus G. E. Grodeko vadovaujama klasikinės filologijos mokykla, turėjusi reikšmės sparčiais tempais besivystančiai ano meto lietuvių ir lenkų nacionalinei kultūrai.

Vienas labiausiai išsilavinusių šios mokyklos filologų buvo Simonas Zukovskis, 25 metus be pertraukos dirbęs graikų ir senosios žydų kalbos dėstytoju universitete ir iki G. E. Grodeko mirties buvęs jo padėjėju bibliotekoje.

Prisidėdamas prie G. E. Grodeko organizuojamos klasikinės filologijos studijų sistemos įgyvendinimo, Zukovskis parengė kelis graikų kalbos vadovėlius, iš kurių mokėsi moksleiviai bei studentai, jų tarpe S. Daukantas, S. Stanevičius, A. Mickevičius ir kiti žymiausi tuometinės lietuvių ir lenkų pažangiosios inteligentijos atstovai. Taip pat jis sėkmingai dirbo orientalistikoje ir čia sulaukė apčiuopiamų darbo rezultatų. Žymūs rusų orientalistai O. Kovalevskis, O. Senkovskis ir kiti buvo jo mokiniai. Be to, Zukovskis ypač domėjosi bibliografiniais tyrinėjimais. Jis paskelbė spaudoje nemažą senosios lenkų kalbos paminklų, rūpinosi senų leidinių perspausdinimu. Ši jo veikla, žadinanti meilę gimtajai kalbai, ypač buvo progresyvinės priespaudos sąlygomis ir, be abejo, turėjo reikšmės panašių problemų iškėlimui lituanistikoje.

Zukovskis turėjo nuopelnų ir Vilniaus universiteto bibliotekai. Jis daug pasidarbavo, sudarant katalogus ir perkeliant knygas į naujas patalpas.

Be to, Zukovskis dirbo pedagoginį, visuomeninį darbą, išleido nemažą veikalų. Savo įvairiapusiška veikla Zukovskis suvaidino tam tikrą vaidmenį, formuojant demokratines akademinio jaunimo pažiūras, kuriant progresyvią klasikinės filologijos mokyklą Vilniuje.
